

УДК 322 (172.3); 297.17

Исламский фактор в политической жизни Узбекистана, Казахстана и Татарстана в 1990-х – первой половине 2000-х гг.

М. З. Галиуллин, В. Е. Туманин

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

The Islamic factor in the political life of Uzbekistan, Kazakhstan and Tatarstan in the 1990s and the first half of the 21st century

M. Z. Galiullin, V. E. Tumanin

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

Аннотация

Статья раскрывает основные проблемы, связанные с исламским фактором в политической жизни Узбекистана, Казахстана и Татарстана. Важнейшим вопросом на пути обретения политической идентичности становится отношение государств к правам человека и исламскому фактору. Поскольку данные республики долгое время находились в составе СССР, в политической жизни господствовала атеистическая парадигма. Исламский фактор становится ключевым в проблеме обретения культурной и национальной идентичности в Центральной Азии, поскольку часть национальной элиты видела суверенные государства под флагом ислама и законов шариата. Авторы, обращают внимание, что независимость государств поставила перед их руководством серьезную задачу по сохранению основных завоеваний социального государства и обретения религиозной идентичности в жизни граждан страны. И заслугой президентов республик Узбекистана и Казахстана стало то, что они смогли удержать свое население от гражданской войны и не позволили скатиться на религиозные и национальные противоречия, в отличие от Таджикистана и Киргизии, где эти проблемы лишь обострились после обретения независимости. Руководство Татарстана выбрало наиболее оптимальный и гармоничный путь развития национальной и религиозной самоидентичности и сожительства в рамках единого пространства России. В статье показан опыт гармоничного сосуществования различных конфессий в регионе, где у граждан сохраняются основные права и свободы.

Abstract

The article reveals the main problems related to the Islamic factor in the political life of Uzbekistan, Kazakhstan, and Tatarstan. The most important issue in gaining political identity is the attitude of states to human rights and the Islamic factor. Since these republics were part of the USSR for a long time, the atheistic paradigm prevailed in political life. The Islamic factor became a key factor in the context of gaining cultural and national identity in Central Asia since certain part of the national elite saw sovereign states as

being under the flag of Islam and Sharia law. The authors note that the independence of states set a serious challenge for their leadership in terms of preserving the main gains of the social state and acquisition of religious identity in the lives of citizens of the country. The Presidents of the Republics of Uzbekistan and Kazakhstan deserved credit for having managed to keep their population from civil war and they did not allow people to descend into religious and national conflicts, unlike the situation with Tajikistan and Kyrgyzstan, where these problems only worsened after gaining independence. The leadership of Tatarstan chose the most appropriate and balanced way of developing national and religious self-identity and co-living within the common space of Russia. The article shows the experience of balanced coexistence of different religions in the region where fundamental rights and freedoms remain at citizens.

Ключевые слова

История, регионоведение, Узбекистан, Казахстан, Татарстан, исламский фактор, конституция, суверенитет, радикализм.

Keywords

History, regional studies, Uzbekistan, Kazakhstan, Tatarstan, Islamic factor, human rights, constitution, sovereignty, radicalism.

Ислам на Востоке на протяжении веков был не просто идеологией государства. Он был частью политической системы, основой судопроизводства, опорой мировоззрения. В эпоху распада ялтинской системы международных отношений ислам оказался востребован в странах Востока как особая религиозная и политическая идеология, способная объединить всех недовольных процессом вестернизации, стать основой самоорганизации населения. Укрепление позиций ислама и его влияния связаны с разочарованием в идеологических парадигмах XX в., так они не дали ожидаемых результатов для бывших колониальных и полуколониальных стран. Происходящие сегодня в мире события свидетельствуют о том, что в современных условиях ислаимзм, идущий на смену идеям партии арабского социалистического возрождения, – характерная черта развития мусульманского мира конца XX – начала XXI в., выражающаяся в усилении воздействия ислаимзма на внутреннюю политическую жизнь.

В современном мире людям во многих регионах приходится отстаивать свои конституционные права: право на жизнь, право на свободу передвижения, право на равное отношение к себе, право выбора, в том числе, и в выборе религиозного пути, а также право быть полноценным членом общества. Становится понятным, что наблюдается затяжная нестабильность в регионах, которая проявляется в политической, экономической, социальной, культурных областях, и этот процесс будет долгим. В свою очередь, он выступает причиной внутренних и межгосударственных конфликтов, что делает уязвимым осуществление прав человека и свободы совести.

Права человека, как и право на свободу вероисповедания, призванные помочь в становлении устойчивого мироустройства, также имеют оборотную сторону и порождают конфронтацию между цивилизациями. Несомненно, исторические, религиозные, культурные и национальные особенности общества нельзя не принимать во внимание при имплементации прав человека в законодательство, но все же эти особенности не должны умалять какие-либо права. Международные пакты и факультативные протоколы были приняты с оговорками во многих странах, в большинстве учитывая религиозную специфику. Заявления, что права человека используются для давления, в качестве предлога для нарушения суверенных границ

государства, вмешательства во внутренние дела, что права человека не учитывают специфику многих государств, кроме как западных, становятся все более обсуждаемыми.

Распад Советского Союза и социалистической системы ознаменовал начало тектонических изменений всей системы международных отношений. Последнее десятилетие XX в. предстанет перед историей как период глубоких качественных изменений геополитической структуры международного сообщества. Мир вступил в новую эру. На заре нового тысячелетия Центральная Азия окунулась в череду новых потрясений. К традиционным дестабилизирующим факторам, таким как борьба за сферы влияния между национальным большинством и меньшинствами, добавился фактор международного терроризма и вооруженного вмешательства на этой почве извне во внутренние дела того же Таджикистана.

Стабильность Центральной Азии как составной части некогда великого СССР для России означает безопасность своих южных границ и районов, где конфессиональное большинство составляют мусульмане.

На стабильность многих стран и регионов в целом влияют конфликты, связанные с этническими и промежуточными противоречиями, крайностями и агрессивным сепаратистским поведением. Существует риск распространения химического и бактериологического оружия и других видов оружия массового уничтожения. Разрыв между богатыми и бедными не сокращается, он воспроизводится, в негативном сценарии увеличивается. Незаконный оборот наркотиков и организованная преступность выходят за рамки национальных государств, ведут свою деятельность на глобальном уровне и быстро растут. Процессы в Центральной Азии, где этнические и национальные проблемы народа обострились, в связи со сложной пограничной ситуацией в Афганистане, не стали исключением.

Центральноазиатские республики Узбекистан и Казахстан показали конструктивный путь «развода» бывших частей Советского Союза и обретения независимости государств.

Узбекская Советская Социалистическая Республика 30 августа 1991 г. объявила себя суверенным независимым государством – Республикой Узбекистан. Суверенное государство приступило к строительству правовой основы государства, где главным вопросом стало урегулирование в статьях нового основного закона соотношения между светскостью и религиозностью. Первый президент Узбекистана И. А. Каримов писал: «Религия, являясь, прежде всего, сферой духовной жизни общества, группы, индивида, впитала в себя, отразила общечеловеческие нормы нравственности, превратила их в обязательные правила поведения, оказала существенное влияние на культуры, способствовала и способствует преодолению изолированности человека, его отчуждения от других людей»¹.

Глубокое содержание национальных интересов зависит от самобытности народа, его коренных традиций и обычаев. И здесь важную роль начинает играть исламский фактор в культурной, экономической и политической жизни. В советский период об исламской самобытности не могло быть и речи, поскольку СССР представлял атеистическую парадигму. Но и после обретения независимости, руководство большинства стран Центральной Азии, за некоторым исключением, избрало светский путь развития и сохранило преемственность в контроле над исламским фундаментализмом и экстремизмом. Таджикистану пришлось пройти через перипетии гражданской войны и внешней интервенции, а Туркменистан превратился в квазиавторитарный режим с элементами светскости.

Иными словами, вся культура и традиции, которые направлены на сохранение основ этноса, должны учитывать вызовы, в том числе и военные. Угроза может исходить не только из-за границ государства, но и быть внутри страны в «спящем режиме».

Среди факторов, влияющих на положение человека в мусульманском обществе, основополагающее положение занимает органически связанный с исламом и его учением шариат (свод мусульманского права), в котором отразились важнейшие культурные и религиозные традиции приверженцев ислама.

Шариат, который в переводе означает «путь следования», называют еще мусульманским правом, которое указывает приверженцу ислама, как ему подобает, в соответствии с религией, вести себя и не различать своих обязательств по отношению к себе подобным. Шариат является источником норм, регулирующих и экономическую сферу исламских государств. Следует отметить, что шариат основывается на идее обязательств, которые возлагаются на человека, а не на правах, которые он имеет.

Ислам исконно в Узбекистане был религией большинства народа республики. «В стране, на момент распада СССР, жило более 120 наций и этносов, которые исповедовали 17 различных религиозных верований. Государственный комитет по статистике на 1 января 2007 г. предоставил данные о 26,663 млн. человек, проживающих в Республике Узбекистан. Согласно статистике, граждан, исповедующих ислам, в стране было 88,46 % от общего числа населения»².

Таким образом, видно, что в республике была обеспечена реальная свобода вероисповедания и веротерпимость к религиозным меньшинствам. Социальные преобразования, в первую очередь, затронули основные или, иначе говоря, базовые принципы гуманизма и прав человека. Основным закон страны должен был отразить принципы, которые на протяжении 70 лет умалчивались, оставались за формулировками атеизма и безверия, хотя все религиозные праздники и принципы чтились и исповедовались в большинстве узбекских, да и казахских семей. Руководство Узбекистана давало четкую оценку тому факту, что исламские принципы укоренились в мировоззрении большинства граждан страны, и игнорировать их или не отразить в Конституции страны должным образом нельзя, поскольку это будет воспринято населением негативно. Руководство страны отдавало себе отчет, что последователи религиозных течений долгое время были в подпольном положении. Также они понимали, что религиозные адепты желают перемен в политической жизни и обретения статуса исламского государства, живущего по принципам шариата. Проповедники этих принципов, в первую очередь, были направлены против руководства стран Центральной Азии, и их представления об исконном исламе и других религиях радикально отличались от канонических принципов. А поскольку у руководства большинства центральноазиатских государств остались прежние лидеры, исключением здесь являлся лишь Таджикистан, то и формулировки в конституциях стран должны были носить, в целом, светский характер управления государством, с учетом моральных устоев, социально-этнических и духовных установок основных религий этих государств. Если в Узбекистане ситуация была в большей степени определенной, и большинство граждан исповедовали ислам суннитского толка, то в Казахстане ситуация была не столь однозначной, поскольку казахи-сунниты представляли лишь статистическое большинство граждан страны, и было большое количество русских, украинцев и других национальностей, исповедующих христианство.

«В Основном Законе Республика Казахстан провозглашена светским государством, в котором наивысшими ценностями признаются человек, его жизнь, права и свободы, в том числе свобода совести, которые могут ограничиваться лишь в случае, когда их осуществление нарушает права и свободы других лиц, посягает на конституционный строй и общественную нравственность»³. В Казахстане присутствовало огромное количество миссионерских организаций, которые часто были чужды местному населению страны, и поскольку этнический состав граждан страны был не столь однородным, как в Узбекистане, межконфессиональная напряженность в стране росла сильнее и была более заметна на межконфессиональном уровне⁴.

Узбекистану также приходилось нелегко, с учетом тлеющих Наманганских проблем, Андижанские события 2005 г. стали серьезным испытанием для руководства страны и непосредственно для самого И. А. Каримова.

«В Казахстане произошел значительный рост религиозных институтов. В 2008 г. в Казахстане действовало 3 259 религиозных объединений, что на 102 больше, чем было на 1 января 2004 г. А в 1990 г. действовало всего 670 религиозных объединений»⁵.

Государственные органы и духовные управления мусульман прилагали большие усилия для работы с населением стран по каноническому толкованию исламских принципов и их реализации в обыденной жизни. Этими органами на всех этапах развития независимых государств предпринимались меры по противодействию религиозному экстремизму, а так же противодействию правозащитным организациям, лоббирующим интересы иностранных государств и средств массовой информации, не отражавших интересы местной власти.

Кроме того, в Узбекистане, как и в Казахстане, приветствовалось, с одной стороны, поступательное возрождение религии и возвращение в духовную и общественную жизнь. Строились новые мечети и открывались новые религиозные учебные заведения, официальное признание получали религиозные праздники и обряды, государственные органы и общественные организации содействовали паломничеству.

В Татарстане в конце 1980-х – 1990-е гг. произошла радикализация татарского этнополитического движения в лице ВТОЦ, партий и общественных движений «Иттифак», «Суверенитет», «Азатлык», «Милли меджлис», с их требованиями этнонационального государства Татарстан, выхода из состава РФ, создания моноэтнических неконституционных «органов госвласти»⁶. Большинство из этих организаций провоцировали правительство Татарстана на радикальные меры в их отношении, не свойственные толерантному обществу Центральной России, искусственно создавали кризисные ситуации, которые должны были показать неспособность людей на местах решить проблему с исламским экстремизмом, тем самым показав слабость и нелегитимность власти.

При этом большое количество проповедников из Татарстана получало высшее духовное образование в Саудовской Аравии, Катаре, Египте. И это также способствовало радикализации ислама в Татарстане.

В начале 2000-х гг. в Татарстане прошла череда громких судебных дел в отношении идейных религиозных борцов за суверенитет ваххабитского толка. Были приняты серьезные профилактические меры, в отношении вернувшихся после обучения на Ближнем Востоке. Подключение всех средств Духовного управления мусульман и средств массовой коммуникации для противодействия экстремистской

религиозной деятельности, противоречащей основному закону страны, проповедям ваххабитов и деятелей псевдорелигиозных течений в социальной среде, в том числе и в сети интернет.

Зная о трудностях, которые характерны для переходного периода в становлении независимых государств, экстремистские организации пытались проникнуть в высшие эшелоны власти, и предпринимались попытки по свержению законной власти. Налицо была ситуация в Таджикистане, которая из этнического противостояния переросла в полномасштабную гражданскую войну, с присутствием на территории государства зарубежных бандитских формирований. Среди важнейших причин усиления активности радикально настроенных религиозных функционеров – фактор «проявления отсутствия классической иерархической структуры в исламе, который создавал благоприятные условия для энергичных действий людей, преследующих конкретные цели». И как итог, такое положение «выливается, в частности, в стремление некоторых сил к созданию политических партий и религиозных организаций с религиозной окраской»⁷.

В этих условиях конституциями республик Узбекистана и Казахстана было определено, что общественная жизнь развивается на основе многообразия политических институтов и мнений, идеология не может быть государственной политикой. «Демократические права и свободы оберегаются Конституцией и законами, которые базируются на гуманистических принципах, согласно которым высшей ценностью является человек, его жизнь, свобода, честь, достоинство и другие неотъемлемые права»⁸. «Все граждане республики имеют одинаковые права и свободы и равны перед законом без различия пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и общественного положения»⁹.

«Основные положения и требования о необходимости соблюдения международных документов и соглашений о правах человека, касающихся свободы совести и вероисповедания. В частности, в статье 2 “Закона о свободе и религиозных организациях” закреплена норма о том, что если международным договором Узбекистана установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве республики о свободе совести и религиозных организациях, то принимаются правила международного договора»¹⁰.

Светские принципы возымели действие на проживающих в городской среде граждан республик. Радикальная религиозная среда приживалась и пускала бурные корни в кишлачной и деревенской среде, во многом благодаря социальной несправедливости и отсутствию возможности получить качественное светское образование, а безработица делала именно эти слои населения уязвимыми для лжеучителей и проповедников радикального ислама.

«Закон устанавливает ограничения, которые необходимы для обеспечения общественного порядка и национальной безопасности, жизни и здоровья, прав и свобод других граждан, а также положения о недопущении религиозного экстремизма, разжигания вражды между различными конфессиями и др.»¹¹

Важной составляющей национальной политики государств стала молодежная политика, которая была направлена на ограждение несформировавшихся умов от радикального исламизма.

«В то же время следует отметить, что по косвенным оценкам экспертов до 10-15 % молодежи симпатизируют экстремистским идеям»¹². Вопреки культурной и национальной самобытности граждан Узбекистана и Казахстана, часто западные организации насаждали чуждые населению страны псевдодемократические

принципы. «Проблема вовлечения части молодежи в экстремистские группы, либо скрытая им симпатия связаны и с теми методами, к которым прибегают эти самые группы и партии, а точнее их локальные ячейки»¹³. Главным на современном этапе для государства и общества становится вопрос религиозного просвещения молодежи. От доступности и ненавязчивости донесения до непросвещенных умов весьма важных, и в то же время сложных религиозных принципов, сочетания религии и светскости, духовного и бытийного, во многом зависит стабильность общественного сознания и самого государства.

В стране система образования была отделена от религии. «Религиозные дисциплины не попадали в учебные планы всеобщего и высшего образования, если это не были специализированные учебные заведения типа исламских центров или медресе. При этом право на светское образование обеспечивается гражданам независимо от их отношения к религии»¹⁴. Преподавание религиозного вероучения в индивидуальном порядке запрещается основным законом страны.

Вопросы религиозного образования сегодня находятся под контролем руководства государственных органов Узбекистана и Казахстана. «Это связано в первую очередь, с тем, чтобы не допускать в учебном процессе преподавания радикальных исламских учений, а также просачивания в систему религиозного образования экстремистских элементов. Как известно, именно подвергая обработке молодежь, в том числе через учения и литературу религиозно-экстремистского содержания, представители радикальных и террористических организаций пытаются привлечь их на свою сторону»¹⁵.

В странах Центральной Азии в середине 1990-х гг., в отсутствие идеологии, которая канула в прошлое с Советским Союзом, открылось большое количество медресе и мечетей, которые должны были изменить классовую парадигму на умеренное религиозное мировоззрение. Причем уровень получаемых религиозных знаний был далек от канонического, и это стало хорошей почвой для религиозного фундаментализма и экстремизма.

Исламский фактор в современном мире оказывает влияние не только на мусульманские страны, но и на многие государства мира, которые не входят в данную категорию. Огромное количество мусульман проживает также не в мусульманских странах, поэтому правительства данных государств должны считаться с этим фактом.

Важно помнить, что древний центр исламской культуры был сосредоточен на территории Узбекистана. Наследие «святой Бухары» имеет политический и культурный аспект. Ислам в Центральной Азии более радикален, чем в Поволжье, и был более чувствителен к влиянию иностранных фундаменталистских движений. Местное духовенство сильно влияло на события, и его позиция часто была не лояльна к власти.

За пределами Узбекистана оппозиция имеет сторонников в муниципалитетах Саудовской Аравии и других стран Персидского залива. Большинство из них являются убежденными сторонниками исламизма. Идея исламской революции, по их мнению, должна быть реализована в судебном порядке.

Вооруженные сторонники исламской революции укрепились в горах Ферганской долины. За время существования Советского Союза эти страны были внутренней территорией Советского Союза, их внешние границы были тщательно защищены и были непроходимы для проникновения иностранцев. Развал Советского Союза изменил ситуацию.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Каримов И. А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Ташкент: Узбекистон, 1997. – С. 34-35.
2. Ата-Мирзаев О. Б., Муртазаева Р. Х. Современная демографическая ситуация Узбекистана и перспективы ее развития // Вестник Казахского государственного женского педагогического университета. – 2010. – № 2 (5). – С. 68-69.
3. Конституция Республики Казахстан. – Алматы: Казахстан, 1995. – 58 с.
4. Мейрманов Ж. Сохранить согласие и стабильность // Казахстанская правда. – 2004. – 18 февраля. – № 32.
5. Иванов В. А., Трофимов Я. Ф. Религии в Казахстане: Справочник. – 2-е изд., перераб. и доп. – Алматы: Аркаим, 2003. – С. 238.
6. Мингазова А. М., Беляев В. А. Варианты этноконфессиональной идентичности и толерантности в среде студенческой молодежи // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4.
7. Мунавваров З. И. Становление нового соотношения между светскостью и религиозностью в Республике Узбекистан // Ислам и светское государство. – Ташкент: Международный фонд Имама ал-Бухари, 2003. – С. 133.
8. Конституция Республики Узбекистан. – Ташкент: Узбекистон, 2003. – С. 2-24.
9. Конституция Республики Казахстан. – Алматы: Казахстан, 2007. – С. 3-27.
10. Закон Республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» (В новой редакции закона № 618-1 от 01.05.98 г.) // Религия и закон. – Ташкент: Узбекистон, 2002. – С. 158.
11. Комментарий к Конституции Республики Узбекистан / Отв. ред. А. Х. Саидов. – Ташкент, 2001. – С. 204-208, 214-217, 305-307.
12. Бабаджанов Б. М. Религия (Республика Узбекистан) // Центральная Евразия 2007. Аналитический ежегодник. – Лулео, Швеция, 2008. – С. 343-350.
13. Доброта Л. Омут под названием «Хизб-ут-Тахрир» // Казахстанская правда. – 2006. – 5 марта. – № 48.
14. Закон Республики Узбекистан «Об образовании» от 29 августа 1997 г. № 464-I. – Ташкент, 1997. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://uz.denemetr.com/docs/1272/index-4439.html> (дата обращения 10.03.2020).
15. Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 года № 31. – Астана, 2005. Электронный ресурс. Режим доступа: http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemss/dok_ieybhb.htm (дата обращения 10.03.2020).

Список литературы

- Бабаджанов Б. М. Религия (Республика Узбекистан) // Центральная Евразия 2007. Аналитический ежегодник. – Лулео, Швеция, 2008. – С. 343-350.
- Беляев В. А. Эволюция терроризма и экстремизма в Республике Татарстан // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – № 2. – Т. 4. – С. 3-12.
- Каримов И. А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Ташкент: Узбекистон, 1997. – С. 34-35.
- Мингазова А. М., Беляев В. А. Варианты этноконфессиональной идентичности и толерантности в среде студенческой молодежи // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4.
- Мунавваров З. И. Становление нового соотношения между светскостью и религиозностью в Республике Узбекистан // Ислам и светское государство. – Ташкент: Международный фонд Имама ал-Бухари, 2003. – С. 133.

Ата-Мирзаев О. Б., Муртазаева Р. Х. Современная демографическая ситуация Узбекистана и перспективы ее развития // Вестник Казахского государственного женского педагогического университета. – 2010. – № 2 (5). – С. 67-78.

References

Babadzhanov B. M. *Religiya (Respublika Uzbekistan)* [Religion (The Republic of Uzbekistan)]. IN: *Tsentrlnaya Evraziya 2007. Analiticheskiy ezhegodnik* [Central Eurasia 2007. Analytical Yearbook]. Luleo, Shvetsiya, 2008, pp. 343-350.

Belyayev V. A. *Evolutsiya terrorizma i ekstremizma v Respublike Tatarstan* [Evolution of terrorism and extremism in the Republic of Tatarstan]. IN: *Nauchny rezultat. Sotsiologiya i upravleniye* [Scientific result. Sociology and management], 2018, no. 2, vol. 4, pp. 3-12.

Karimov I. A. *Uzbekistan na poroge XXI veka: ugrozy bezopasnosti. usloviya i garantii progressa* [Uzbekistan on the threshold of the 21st century: threats to security, terms and guarantees of progress]. Tashkent, Uzbekiston publ., 1997, pp. 34-35.

Mingazova A. M., Belyayev V. A. *Varianty etnokonfessionalnoy identichnosti i tolerantnosti v srede studencheskoy molodezhi* [Variants of ethno-religious identity and tolerance among students]. IN: *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. [Bulletin of economics, law and sociology], 2017, no. 4.

Munavvarov Z. I. *Stanovleniye novogo sootnosheniya mezhdu svetskostyu i religioznostyu v Respublike Uzbekistan* [Formation of a new correlation between secularism and religiosity in the Republic of Uzbekistan]. IN: *Islam i svetskoye gosudarstvo* [Islam and the secular state]. Tashkent, Mezhdunarodny fond Imama al-Bukhari publ., 2003, p. 133.

Ata-Mirzaev O. B., Murtazaeva R. H. *Sovremennaya demograficheskaya situatsiya Uzbekistana i perspektivy eyo razvitiya* [Contemporary demographic situation in Uzbekistan and prospects of its development]. IN: *Vestnik Kazahskogo gosudarstvennogo zhenskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazakh State Women's Pedagogical University], 2010, no. 2 (5), pp. 67-78.

Сведения об авторах

Галиуллин Марат Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований Казанского федерального университета, e-mail: maratscorpion@yandex.com

Туманин Виктор Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований Казанского федерального университета, e-mail: v.tumanin@mail.ru

About the authors

Marat Z. Galiullin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Department of Regional and Eurasian Studies of Kazan Federal University, e-mail: maratscorpion@yandex.com

Victor E. Tumanin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Department of Regional and Eurasian Studies of Kazan Federal University, e-mail: v.tumanin@mail.ru

В редакцию статья поступила 23.03.2020, опубликована:

Галиуллин М. З., Туманин В. Е. Исламский фактор в политической жизни Узбекистана, Казахстана и Татарстана в 1990-х – первой половине 2000-х гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2020. – № 2. – С. 98-106.

Submitted on 23.03.2020, published:

Galiullin M. Z., Tumanin V. E. *Islamskiy faktor v politicheskoy zhizni Uzbekistana, Kazakhstana i Tatarstana v 1990-h – pervoy polovine 2000-h gg.* [The Islamic factor in the political life of Uzbekistan, Kazakhstan and Tatarstan in the 1990s and the first half of the 21st century]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2020, no. 2, pp. 98-106.